

РЕНЕ ГЕНОН

**ЧЕЛОВЕК И ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ
СОГЛАСНО ВЕДАНТЕ**

ВВЕДЕНИЕ
В ВЕДАНТИЗМ

ВОСТОЧНАЯ МЕТАФИЗИКА

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

Рене Генон – Восточная метафизика

Темой этого изложения я выбрал восточную метафизику; но, быть может, скорее бы стоило говорить просто о метафизике, безо всяких эпитетов, так как, по правде говоря, чистая метафизика по самой сути своей, пребывая за пределами всяких форм и привходящих определений, не является ни восточной, ни западной, она универсальна. Лишь внешние формы, в которые она облекается в силу потребностей вербального изложения — дабы выразить то, что в ней поддается выражению — лишь, повторяю, эти формы могут быть либо восточными, либо западными. Но за их разнообразием обретается одно и то же глубинное основание, которое мы обнаруживаем везде и всегда — во всяком случае, везде, где существует подлинная метафизика. И это по той простой причине, что истина едина.

Но если дело обстоит таким образом, то зачем же особо говорить о восточной метафизике? А затем, что в тех условиях, в которых ныне обретается западный мир, метафизика здесь есть нечто забытое, в общем, пренебрегаемое и почти целиком утраченное, тогда как на Востоке она по-прежнему является предметом действительного познания. И если мы хотим знать, что такое метафизика, мы, стало быть, должны обратиться к Востоку; и даже в том случае, если мы хотим вновь обрести нечто из былых метафизических традиций, которые могли существовать на Западе, на том Западе, который, во многих отношениях, был тогда гораздо ближе к Востоку, нежели он есть сегодня, то это именно с помощью восточных доктрин, и в сравнении с ними можно достичь такой цели. Потому что эти (восточные) доктрины сегодня являются единственными, которые, в рассматриваемой нами области метафизики, еще могут быть изучаемы непосредственно. Однако вполне очевидно, что для этого их следует изучать так, как изучают их сами люди Востока, а не предаваясь более или менее гипотетическим, а иногда и просто фантастическим интерпретациям; слишком часто забывается, что восточные цивилизации все еще существуют и что они имеют квалифицированных представителей, к которым достаточно было бы обратиться, чтобы действительно понять, о чем же идет речь.

Я сказал «восточная метафизика», а не исключительно «индуистская метафизика», так как, доктрины такого порядка, со всем, что подразумевается в них, встречаются не только в Индии — в противоположность тому, что подразумевают некоторые из тех кто, впрочем, не отдает себе отчета в их подлинной природе. В этом отношении случай Индии никоим образом не является исключительным; он как раз в точности есть случай всех цивилизаций, обладающих тем, что можно было бы назвать традиционным основанием. А вот что является исключительным и аномальным, так это как раз цивилизации, лишённые такого основания; по правде говоря, нам известна лишь одна такая — это современная западная цивилизация. Ограничиваясь рассмотрением лишь главных цивилизаций Востока, в Китае мы обнаруживаем эквивалент индуистской метафизики в даосизме; с другой стороны, мы встречаем его также в некоторых эзотерических школах ислама (разумеется, следует вполне осознавать, что этот исламский эзотеризм не имеет ничего общего с внешней философией арабов, в основной своей части, вдохновленной греческим импульсом). Единственное различие состоит в том, что повсюду, за исключением Индии, эти доктрины являются достоянием весьма узкой и закрытой элиты; и это как раз то, что имело место также и на средневековом Западе в отношении эзотеризма, во многих отношениях весьма сходного с исламским, и столь же чистого метафизически, что и последний. Но большинство современных людей Запада даже не подозревает о его существовании. В Индии же нельзя говорить об эзотеризме в собственном смысле этого слова, потому что здесь нет доктрины с двумя ликами, экзотерическим и эзотерическим; речь может идти лишь о естественном эзотеризме — в том смысле, что каждый может больше или меньше углублять доктрину и идти более или менее далеко, в соответствии со своими собственными интеллектуальными способностями. Ибо для некоторых людей существуют пределы, задаваемые самой их природой, за которые они не могут выйти.

Естественно, формы изменяются при переходе от одной цивилизации к другой, поскольку они должны адаптироваться к различным условиям. Но, хотя индуистские формы для меня более

привычны, я безо всякого смущения использую другие в том случае, если оказывается, что они могут помочь лучшему пониманию некоторых моментов. Здесь нет ничего неуместного, так как, в конечном счете, это всего лишь различные формы выражения одной и той же сути. Еще раз повторяю, истина едина и она остается одной и той же для тех, кто — каким бы то ни было путем — пришел к ее познанию.

С учетом сказанного, стоит договориться о смысле, который следует придавать здесь слову «метафизика», и это особенно важно, ибо мне не раз случалось констатировать, что не все понимают его одним и тем же образом. И я думаю, что лучше всего, когда речь идет о словах, могущих давать повод к некоторым двусмысленностям, попытаться насколько возможно восстановить их изначальное и этимологическое значение. Итак, по своей структуре это слово, «метафизика», означает буквально «за пределами физики», конечно, с учетом того, что само понятие «физика» людьми древности трактовалось как «наука о природе», во всей ее всеобщности. Физика есть изучение того, что принадлежит к области природы; что же касается метафизики, то это то, что находится за пределами природы. Как же могут иные утверждать, что метафизическое знание есть знание естественное — как в том, что касается его предмета, так и в том, что относится к способностям, посредством которых приобретает такое знание? Здесь налицо настоящее извращение смысла, противоречие внутри самих терминов; и, однако, что удивительнее всего, случается, что подобное смешение понятий осуществляется даже теми, кто должен был бы сохранить хотя бы некоторое представление о подлинной метафизике и уметь более четко отличать ее от псевдометафизики современных философов.

Но быть может, скажут: если это слово, «метафизика», дает повод к таким смешениям, то не лучше ли было бы отказаться от его употребления и заменить его другим, которое доставляло бы меньше хлопот? По правде сказать, такая замена была бы досадной, потому что уже по самому своему составу, это слово в совершенстве подобает тому, о чем идет речь; да, кроме того, это и невозможно, потому что западные языки не располагают никаким другим термином, который бы столь же подходил для подобного

употребления. Просто-напросто использовать слово «знание», подобно тому, как это делают в Индии, ибо это и в самом деле есть знание как таковое, единственное, достойное этого имени, — об этом нельзя и помыслить, ибо все стало бы еще менее ясным для людей Запада, которые, когда речь идет о знании, привыкли исключать отсюда все, находящееся за пределами области научной, и рациональной. И потом, стоит ли быть столь уж озабоченными искажениями, которым подверглось то или иное слово? Если бы следовало отбросить все понятия, с которыми такое произошло, сколько бы их вообще осталось бы в нашем распоряжении? И не достаточно ли просто принять необходимые меры предосторожности, чтобы избежать ошибок и недоразумений? Мы вовсе не привержены к слову «метафизика» больше, чем какому-либо другому; но покуда нам не предложили лучшего термина, дабы заменить его, мы будем по-прежнему пользоваться им, как и делали это до сих пор.

К несчастью, есть люди, которые притязают на «суждение» о том, чего они совсем не знают, и которые — в силу того, что «метафизикой» они именуют сугубо человеческое и рациональное знание (что для нас есть лишь наука или философия), — воображают, будто восточная метафизика не есть ни нечто иное, ни нечто большее, чем такое знание. Отсюда они логично заключают, что эта метафизика в действительности не может вести к таким-то или таким-то результатам. Однако на самом деле она ведет к ним, но именно потому, что она является чем-то совсем иным, нежели предполагаемое такими судьями; все, что они подразумевают, и вправду не заключает в себе ничего метафизического, поскольку в данном случае речь идет всего лишь о знании естественного порядка, об учености профанной и внешней. Мы же хотим говорить вовсе не об этом. Но не превращаем ли мы, таким образом «метафизическое» в синоним «сверхъестественного»? Мы охотно согласились бы с таким уподоблением, ибо до тех пор, пока не превзойдены границы природы, т. е. проявленного мира во всем его объеме (а не одного только чувственно воспринимаемого мира, который есть лишь ничтожно малая часть мира проявленного), мы все еще остаемся в области физики. А метафизикой, как мы уже

сказали, является то, что находится за пределами природы, т. е., стало быть, в собственном смысле слова «сверхъестественное».

Но, разумеется, возразят: разве возможно таким образом выйти за пределы природы? Мы, не колеблясь, ответим с полной определенностью: это не только возможно, но это уже так. Скажут еще: таково лишь утверждение, а какие доказательства можно было бы привести в его подкрепление? По правде говоря, странно, что требуют доказательств возможности знания, вместо того чтобы самим убедиться в этом, проделав необходимую для его приобретения работу. А для того, кто таким знанием обладает, какой интерес и какую ценность могут представлять все эти дискуссии? Уже тот факт, что само познание подменяют «теорией познания», является, быть может, самым красноречивым свидетельством бессилия современной философии.

Впрочем, в любой достоверности есть нечто, не поддающееся выражению и передаче: в действительности никто не может достичь какого-либо знания иначе, чем посредством сугубо личного усилия. И все, что другой может сделать, это предоставить возможность и указать средства воспользоваться ею. Вот почему было бы тщетно, на уровне чисто интеллектуальном, стремиться навязать какое бы то ни было убеждение; самая лучшая аргументация не сможет в данном случае заменить непосредственное и действительное знание.

А теперь зададимся вопросом: можно ли определить метафизику, как мы ее понимаем? Нет, ибо определить — это всегда ограничить, а то, о чем идет речь, в самом себе является поистине и абсолютно безгранично, и, следовательно, не может позволить заключить себя ни в какую формулу и ни в какую систему. Каким-то образом можно охарактеризовать метафизику, сказав, например, что она есть познание универсальных принципов; но это не будет определением в собственном смысле слова, да и, кроме того, может дать о ней лишь смутное представление. Мы добавим к нему нечто, если скажем, что эта область принципов простирается гораздо дальше, нежели то полагали некоторые люди Запада, которые, тем не менее, занимались метафизикой, но частичным и неполным образом. Так, когда Аристотель рассматривал метафизику как познание бытия в качестве бытия, он отождествлял ее с онтологией, т. е. принимал часть за

целое. Для восточной метафизики чистое бытие не является ни первичным, ни самым универсальным из принципов, ибо оно уже есть определение; и, стало быть, надо идти за пределы бытия, и это как раз и есть самое важное. Вот почему во всякой подлинно метафизической концепции нужно оставить место для невыразимого; но даже и в этом случае все, что можно выразить, есть буквально ничто в сравнении с тем, что не поддается никакому выражению, подобно тому, как конечное, каково бы ни было его величие, есть ничто по отношению к Бесконечному. Можно подразумевать гораздо больше, нежели выразить, и, в конечном счете, в том-то и заключается роль, которую играют здесь внешние формы; все эти формы, идет ли речь о словах или о каких бы то ни было символах, являются лишь поддержкой, точкой опоры для того, чтобы подняться до возможностей концептуального знания, которые их несравненно превосходят. Мы сейчас вернемся к этому.

Мы говорим о метафизических концепциях, за неимением в нашем распоряжении другого термина, чтобы быть понятыми; но пусть отсюда не заключают, будто в данном случае есть что-либо сходное с научным или философскими концепциями; речь идет не об оперировании какими-либо абстракциями, но о непосредственном познании истины такой, какова она есть. Наука всегда есть знание рациональное, дискурсивное, всегда не непосредственное познание через отражение; метафизика есть знание наднациональное, интуитивное и непосредственное. Эту чистую интеллектуальную интуицию, без которой нет подлинной метафизики, впрочем, никоим образом не следует уподоблять той интуиции, о которой говорят некоторые современные философы, ибо последняя, напротив, субрациональна. Есть интуиция интеллектуальная, и есть интуиция чувственная; одна находится выше рассудка, а другая ниже его; и эта последняя может уловить лишь мир изменений и становлений, т. е. природу, а скорее ничтожно малую часть природы. Область же интеллектуальной интуиции, напротив, это область вечных и неизменных принципов, это метафизическая область.

Трансцендентный интеллект, дабы непосредственно постичь универсальные принципы, должен и сам принадлежать к порядку универсального; это не есть более индивидуальная способность, и

рассматривать его в качестве таковой было бы противоречием, т. к. для индивидуума невозможно выйти за свои собственные границы, выйти за пределы условий, которые и определяют его как индивида. Разум есть способность сугубо и специфически человеческая; но то, что находится за пределами разума, поистине является «не-человеческим». Именно это делает возможным метафизическое знание, и последнее, следует повторить еще раз, не является человеческим знанием. Иными словами, это не в качестве человека может стяжать его человек, но потому, что это существо, которое является человеческим в одном из своих состояний, есть в то же время нечто иное и большее, нежели человеческое существо. И вот как раз действительное опознание над-индивидуальных состояний является подлинным предметом метафизики, или, даже точнее, самим метафизическим знанием.

Здесь мы касаемся одного из самых существенных моментов, и это необходимо с особой настойчивостью подчеркнуть, а именно: если бы индивид был полностью завершенным существом, если бы он представлял собой закрытую систему, вроде монады Лейбница, метафизика вообще не была бы возможной. Непоправимо замкнутое в самом себе, это существо вообще не имело бы никакой возможности познания того, что не является порядком существования, к которому оно принадлежит. Но дело обстоит иным образом: в действительности индивид являет собой лишь преходящую и обусловленную случайными обстоятельствами манифестацию истинного существа. Он всего лишь частный случай среди бесконечного множества других состояний того же самого существа; а последнее, в самом себе, абсолютно независимо от всех своих манифестаций, точно так же, как — если воспользоваться сравнением, постоянно встречающимся в индуистских текстах, — солнце абсолютно независимо от многочисленных своих отражений. Такого фундаментальное различие высшего «Я» и «я», личности и индивидуальности; и как все отображения световыми лучами связаны с солнечным первоисточником, без которого они вообще бы не существовали и не имели никакой реальности, точно так же индивидуальность — идет ли речь об индивидуальности человеческой или обо всяком другом аналогичном состоянии

проявленности, — связана с личностью, изначальным центром существа, связана тем самым трансцендентным интеллектом, о котором только что шла речь. В рамках данного изложения невозможно ни более подробно развернуть эти соображения, ни более точно представить теорию множественных состояний существа. Я полагаю, однако, что сказал об этом достаточно для того, чтобы, по крайней мере, дать возможность ощутить ее важнейшие значение для всякой подлинно метафизической доктрины.

Теорию, сказал я, но не только о теории идет речь, и это еще один пункт, который требует объяснения. Теоретическое познание, которое еще остается лишь косвенным и в некотором роде символическим, есть всего лишь предуготовление — впрочем, необходимое — к познанию подлинному. Кроме того, оно единственное, которое поддается хотя бы некоторой передаче, хотя и это не в полной мере; вот почему всякое изложение есть только средство приближения к знанию, и это — то знание, которое вначале является лишь виртуальным, но затем должно осуществиться как действительное. Здесь мы обнаруживаем новое отличие от той частичной метафизики, на которую указывали раньше, например, от метафизики Аристотеля, теоретически уже неполной в той мере, в какой она ограничивается бытием. Или, скорее, в той мере, в какой теорию, похоже, представляют как самодостаточную — вместо того, чтобы подчинить ее целям соответствующей реализации, как это всегда присуще всем восточным доктринам. Однако даже в этой несовершенной метафизике — нам даже хотелось бы сказать, в этой полуметафизике — иногда встречаются утверждения, которые, будучи правильно понятыми, могли привести к совсем другим заключениям. Так, например, разве Аристотель не говорит с полной определенностью, что единичное бытие — это все, что ему известно? Такое утверждение идентификации через познание как раз и является самым принципом метафизической реализации; однако в данном случае этот принцип остается изолированным, он имеет значение всего лишь сугубо теоретической декларации, из него ничего не следует, и похоже, что, сделав такое утверждение, о нем больше даже не думают. И как же случилось, что сам Аристотель и его продолжатели не разглядели лучше того, что подразумевается здесь?

Так же обстоит дело и во многих других случаях, и похоже, что здесь иногда забывают о таких существенных вещах, как различие чистого интеллекта и разума — притом, однако, что все это достаточно четко формулируется. Воистину, странные пробелы. Надо ли видеть в этом следствие некоторых ограничений, органически присущих западному духу, несмотря на более или менее редкие, но всегда возможные, исключения? До некоторой степени такое утверждение может быть верным, однако не следует полагать, что западное мышление и прежде было столь же узко ограниченным, каким оно является в современную эпоху. Однако доктрины, подобные этой, в конечном счете являются всего лишь внешними, высшими по отношению ко многим другим, поскольку, несмотря ни на что, они содержат в себе часть подлинной метафизики; но к ней всегда примешиваются соображения другого порядка, и вот в них-то нет ничего от метафизики... Со своей стороны, мы убеждены, что на Западе, в древности и в средние века, существовало нечто иное, что некой элите были доступны доктрины чисто метафизические, которые мы можем назвать цельными, включая сюда и ту реализацию, которая, для большинства современных людей, несомненно, есть нечто, с трудом представимое. Если же Запад столь абсолютно утратил воспоминание о них, то это потому, что он разорвал связь со своими собственными традициями. И вот поэтому-то современная цивилизация является цивилизацией аморальной и извращенной.

Если бы чисто теоретическое познание имело свою цель в самом себе, если бы метафизика должна была удовлетворяться этим, безусловно, это уже было бы кое-что, но этого было бы совершенно недостаточно. Вопреки безусловной достоверности, еще большей, нежели достоверность математическая, которая уже приписывается такому знанию, в конечном счете, на уровне несравненно более высоком, оно предстает всего лишь аналогом того, что на уровне более низком, земном и человеческом, является научной и философской спекуляцией. И это не то, чем должна быть метафизика; пусть другие интересуются «игрой ума» или тем, что может казаться таковой, — это их дело. Для нас же вещи такого рода скорее безразличны, и мы полагаем, что любопытство психолога должно

быть совершенно чуждо метафизику. О чем идет речь для первого — так это о том, чтобы познать то, что есть, и познать его таким образом, что реально, и по сути дела познают лишь самое себя.

Что же до средств метафизической реализации, то мы хорошо знаем, какие возражения касательно них могут предъявить те, кто считает своим долгом оспаривать возможность этой реализации. Действительно, такие средства должны быть достигаемы для человека; они должны быть — по крайней мере, на первых стадиях — адаптированы к условиям человеческого состояния, ибо в этих условиях в данный момент находится существо, которое, отправляясь от них, должно овладеть высшими состояниями. И, стало быть, это в формах, принадлежащих сему миру, человеческое существо обретет точку опоры для того, чтобы подняться над самим этим миром. Слова, символические знаки, ритуалы или какие бы то ни было подготовительные действия, не имеют ни другого основания для своего бытия, ни другой функции; как мы уже сказали, это опоры и ничего более. Но, возразят иные, как это возможно, чтобы такие, сугубо преходящие средства могли привести к результату, который их бесконечно превосходит, который принадлежит к совершенно иному порядку, нежели они сами? Заметим вначале, что в действительности это совершенно случайные цели и что результат, которого они помогают добиться, ни в коей мере не является их следствием; просто они ставят существо в положение, при котором этого результата легче достичь, вот и все. Если рассмотренное нами возражение основательно в данном случае, то оно равным образом должно быть значимо и в случае религиозных ритуалов, например, таинств, где существует не меньшая диспропорция между средством и целью; некоторые из тех, кто выдвигает его, об этом, быть может, не поразмыслили в достаточной мере. Что же до нас, то мы не смешиваем простое средство с причиной в истинном смысле этого слова и мы не рассматриваем метафизическую реализацию как следствие чего бы то ни было, потому что она есть не производное чего-то, что еще не существует, но осознание того, что постоянно и неизменно существует вне всякой временной или какой-либо другой последовательности. Ибо все состояния бытия, рассматриваемые в

их принципе, совершенно одновременно существуют в вечном настоящем.

Мы, стало быть, не усматриваем никакого затруднения в том, чтобы признать, что не существует никакой общей меры для метафизической реализации и средств, ведущих к ней, или, если угодно, ее предуготовляющих. К слову сказать, именно потому ни одно из этих средств не является строго, абсолютно необходимым — или, по крайней мере, действительно необходимо лишь одно предуготовление, и это — теоретическое знание. С другой стороны, оно само по себе не могло бы способствовать многому без еще одного метода, который нам, стало быть, надлежит рассмотреть, ибо ему предназначено играть самую важную и самую устойчивую роль. Этот метод — концентрация (сосредоточение), и это нечто совершенно чуждое и даже противоположное ментальным привычкам современного Запада, где все стремится лишь к рассеянию и непрестанному изменению. Все остальные методы лишь вторичны по отношению к этому; своим назначением они имеют, главным образом, содействовать концентрации, а также гармонизировать между собой различные элементы человеческой индивидуальности, дабы подготовить эффективное взаимодействие между этой индивидуальностью и высшими состояниями существа.

Впрочем, вначале эти методы могут варьировать до бесконечности, так как, в случае каждого индивида, они должны быть адаптированы к его конкретной природе, стать соответственными его способностям и его частным предрасположенностям. Затем различия станут уменьшаться, так как речь идет о многообразных путях, ведущих к одной и той же цели; а на определенной стадии всякая множественность исчезнет. Но к этому моменту преходящие и индивидуальные методы уже исполняют свою роль. Эту роль (дабы показать, что она вовсе не является необходимой) некоторые индуистские тексты сравнивают с ролью лошади, посредством которой человек быстрее и легче доберется до цели своего путешествия, но без которой он бы все равно ее достиг. Можно было бы пренебречь ритуалами, разнообразными процедурами, указанными для достижения метафизической реализации, и, тем не менее, посредством одной лишь постоянной фиксации духа и всех

способностей существа на цели такой реализации, в конце концов, достичь этой высшей цели.

Но если существуют средства, облегчающие усилие, то зачем добровольно пренебрегать ими? Разве является смешением преходящего и абсолютного учитьвание условий человеческого состояния, поскольку именно отправляясь от этого состояния, само по себе преходящего, мы вынуждены идти к завоеванию состояний более высоких, а затем состояния высшего и безусловного?

Укажем теперь, в соответствии с учениями, которые являются общими для всех традиционных доктрин Востока, главные этапы метафизической реализации. Первый, в некотором роде всего лишь предварительный, осуществляется в области человеческой и не выходит за пределы индивидуальности. Он заключается в бесконечном расширении этой индивидуальности, телесная модальность которой, единственно развитая у обычного человека, представляет лишь минимальную ее часть. От этой-то модальности фактически и начинается путь, вот почему вначале используются методы чувственного порядка, которые, однако, должны находить отзвук в других модальностях человеческого существа. Фаза, о которой мы говорим, по сути, является реализацией или развитием всех возможностей, виртуально заключенных в человеческой индивидуальности и образующих как бы многообразные ее продления, в различных направлениях простирающиеся за пределы области телесной и чувственной. И как раз посредством этих продлений и можно будет затем установить связь с другими состояниями.

Такое осуществление интегральной индивидуальности всеми традициями обозначается как восстановление того, именуется «изначальным состоянием», состоянием, которое считается состоянием истинного человека и которое уже ускользает от ограничений, характерных для обыденного состояния, в частности, того, которое вызвано временной обусловленностью. Существо, достигшее этого «изначального состояния», все еще остается лишь индивидуальным человеком, в действительности не овладевшим никаким над-индивидуальным состоянием; и, однако, отныне он освободился от времени, поскольку видимая последовательность

явлений преобразовалась для него в единовременность. Он сознательно обладает некой способностью, которая неведома обычному человеку и которую можно назвать «чувством вечности». Это чрезвычайно важно, ибо тот, кто не может преодолеть точку зрения временной последовательности и рассматривать все явления одновременно, неспособен, даже в малейшей степени, к восприятию метафизического уровня. Первое, что надлежит сделать тому, кто действительно хочет достичь метафизического знания, это выйти за пределы времени. Мы охотно сказали бы в «не-время», если бы такое выражение неизбежно не выглядело странным и необычным. Это осознание вневременного, однако, некоторым, несомненно, неполным, но уже реальным образом может быть достигнуто задолго до того, как во всей его полноте будет реализовано то «изначальное состояние», о котором мы только что говорили.

Могут спросить: почему говорится именно об «изначальном состоянии»? Потому что все традиции, включая и западную (ибо и сама Библия не сообщает ничего иного) согласно говорят, что это состояние есть именно то, которое было нормой у истоков человечества, тогда как нынешнее состояние является всего лишь результатом падения, следствием своего рода прогрессирующей материализации, совершившейся в ходе времен на протяжении определенного цикла. Мы не верим в «эволюцию» в том смысле, как понимают это слово современные люди; так называемые научные гипотезы, придуманные ими, нисколько не соответствуют реальности. Впрочем, здесь мы можем лишь просто указать на теорию космических циклов, которая особое развитие получила в индуистских доктринах. Иначе мы вышли бы за пределы нашей темы, так как космология — это не метафизика, хотя и очень сильно зависит от нее; космология — лишь ее приложение к физическому уровню, и подлинные естественные законы являются всего лишь преломлениями, в области относительной и преходящей, универсальных и неизменных принципов.

Вернемся к метафизической реализации: ее вторая фаза соотносится с над-индивидуальными состояниями, однако еще обусловленными, хотя их обусловленности уже совершенно иные, нежели обусловленности человеческого состояния. Здесь

человеческий мир, в котором мы еще пребывали на предыдущей стадии, полностью и окончательно преодолевается. Скажем больше: то, что преодолено, — это мир форм в его наиболее общем значении, включающий все индивидуальные состояния, каковы бы они ни были, ибо форма есть общее условие для всех этих состояний, то, посредством которого и определяется индивидуальность как таковая. Существо, которое больше не может называться человеческим, отныне вышло из «потока форм», как гласит одно дальневосточное выражение. Впрочем, можно было бы указать и на другие различия, так как эта фаза может подразделяться: в действительности она включает в себя несколько этапов, которые, хотя и будучи неоформленными, еще относятся к проявленному существованию, вплоть до той ступени универсальности, которая уже принадлежит чистому бытию.

Однако, сколь бы ни были возвышенны эти состояния по отношению к состоянию человеческому, как бы ни были удалены от него, они все еще являются относительными, и это верно применительно даже к самому высокому из них, тому, которое соответствует принципу всякой манифестации. Овладение ими есть, стало быть, всего лишь промежуточный результат, который не следует смешивать с конечной целью метафизической реализации; она же находится за пределами существа, и по отношению к ней все остальное есть лишь продвижение и предуготовление. Этой высшей целью является абсолютно необусловленное состояние, свободное от всяких ограничений; именно по этой причине оно не поддается выражению, и все, что можно сказать о нем, может быть оформлено лишь отрицательными понятиями, будучи производно от отрицания границ, детерминирующих и определяющих всякое существование в его относительности. Достижение такого состояния — это то, что индуистская доктрина называет «Освобождением», когда она рассматривает его в соотношении с обусловленными состояниями, а также «Союзом», когда оно рассматривается в соотношении с Высшим принципом

Впрочем, в этом безусловном состоянии в принципе заключены все остальные состояния, однако преобразованными и освобожденными от специфических обусловленностей,

определяющих их как частные состояния. Сохраняется все, что обладает положительной реальностью, поскольку именно здесь все имеет свой принцип; «освобожденное» существо действительно обладает полнотой своих возможностей. А то, что исчезло, — это лишь ограничивающие условия, реальность которых абсолютно отрицательна, поскольку они олицетворяют только «недостаток» в том смысле, в каком Аристотель употреблял это слово. Таким образом, отнюдь не будучи своего рода полным уничтожением, как то полагают некоторые люди Запада, это конечное состояние, напротив, является абсолютной полнотой, высшей реальностью, по отношению к которой все остальное есть всего лишь иллюзия.

Добавим еще, что всякий, даже частичный результат, достигнутый существом в ходе метафизической реализации, остается таковым навсегда. Такой результат приобретается существом навечно, и ничто не может заставить его лишиться этого достояния. Работа, выполненная на таком уровне, даже если она будет прервана, не достигнув конечной цели, выполняется раз и навсегда — именно в силу своей вневременности. Это верно даже для простого теоретического знания, ибо каждое знание несет свой плод в самом себе, тем-то и заметно отличаясь от действия, которое есть лишь сиюминутная модификация существа и которое всегда отделено от своих следствий. Впрочем, последние относятся к той же области и к тому же порядку существования, как и то, что их породило; следствием действия не может быть освобождение от действия, и его результаты не выходят за пределы индивидуальности, даже рассматриваемой во всей протяженности ее расширения, на которое она способна. Поскольку действие, каково бы оно ни было, не является противоположностью невежества, которое есть корень всякой ограниченности, то действие и не могло бы заставить невежество исчезнуть; его рассеивает только знание, как свет солнца рассеивает мрак. И тогда-то высшее «Я», неизменный и вечный принцип всех проявленных и непроявленных состояний, является во всей своей высшей реальности.

После этого очерка, весьма несовершенного и, разумеется, дающего лишь очень слабое представление о том, чем может быть метафизическая реализация, необходимо сделать одно замечание,

совершенно необходимое для того, чтобы избежать серьезных ошибок интерпретации. А именно: все, о чем здесь идет речь, не имеет никакого отношения к любым экстраординарным феноменам. Все, что есть феномен, принадлежит к порядку физическому; метафизика же обретается за пределами феноменов; и мы берем это слово в его самом всеобщем значении. Отсюда, наряду с другими следствиями, вытекает, что состояния, о которых только что говорилось, не заключают в себе ничего «психологического». Нужно прямо сказать это, ибо в данном случае иногда возникают причудливые смешения. Но психология, по самому своему определению властна лишь над человеческими состояниями, и к тому же, понимаемая так, как сегодня, она охватывает лишь весьма ограниченную область возможностей индивида, которые, однако, простираются гораздо дальше, нежели могут предположить представители этой науки. В действительности индивидуальный человек — это нечто одновременно и гораздо большее, и гораздо меньшее, нежели обычно полагают на Западе. Он нечто гораздо большее в силу своих возможностей бесконечного расширения за пределы телесной модальности, с которой соотносится все то, что обычно изучают; но он также и нечто гораздо меньшее, поскольку, далеко не образуя завершенное и самодостаточное существо, он есть лишь внешняя манифестация, мимолетный образ, который приняло существо подлинное и которым нисколько не затрагивается в его неизменности сущность последнего.

Следует особо подчеркнуть то, что область метафизическая целиком обретается за пределами феноменального мира, так как современные люди знают и исследуют исключительно феномены, лишь последними они интересуются почти исключительно, как об этом, впрочем, и свидетельствует направление, приданное ими развитию опытных дисциплин. Их метафизическая неодаренность своей причиной имеет ту же тенденцию. Несомненно, может случиться, что некоторые частные феномены проявятся в ходе работы метафизической реализации, но совершенно произвольным образом; и это будет скорее досадный результат, ибо явления подобного рода могут быть лишь препятствием для того, кто поддастся искушению придать им хоть какое-нибудь значение. Тот,

кто позволяет феноменам останавливать себя и сводить с истинного пути, а в особенности тот, кто позволяет себе отправляться на поиск исключительных «способностей», имеет мало шансов продвинуть реализацию дальше той ступени, которой он уже достиг к тому времени, когда произошло это отклонение.

Эта ремарка, естественно, побуждает к корректированию некоторых ошибочных истолкований понятия «йога»; и в самом деле, разве не заявлялось иногда, что этим словом индусты обозначают развитие некоторых скрытых сил человеческого существа? Только что сказанное нами вполне доказывает, что такое определение должно быть отброшено. На самом же деле это слово, «Йога», означает то, что мы наиболее близким к оригиналу образом перевели как «Союз», и то, что оно, собственно говоря, подразумевает, есть, стало быть, высшая цель метафизической реализации. «Йогом» же, если понимать данное слово в его наиболее точном значении, является единственно тот, кто этой цели достиг. Верно, однако, что, толкуемые расширительно, эти понятия в иных случаях, прилагаются также и к подготовительным стадиям «Союза» или даже к простым начальным методам, и также к существу, которое достигло состояний, соответствующих этим стадиям, или использует также методики для их достижения. Но как можно упорствовать в том, что слово, первым и главным значением которого является «Союз», просто-напросто и по сути своей обозначает дыхательные упражнения или что-либо еще в этом же роде? Эти упражнения, равно как и другие в целом основанные на том, что мы можем назвать наукой о ритме, действительно, относятся к наиболее распространенным методикам, имеющим своей целью метафизическую реализацию. Но пусть не принимают за цель то, что является всего лишь преходящим и случайным средством; и пусть также не считают изначальным смыслом слова то, что является всего лишь его вторичным и более или менее искаженным значением.

Говоря о том, чем исходно является «Йога», и, подчеркивая, что это слово, по существу, всегда означало одно и то же, можно задуматься над вопросом, о котором мы до сих пор ничего не говорили, а именно: каково происхождение самих этих традиционных метафизических доктрин, из которых мы заимствуем

все изложенные нами сведения? Ответ очень прост, хотя он и рискует вызвать возражения тех, кто желал бы все рассматривать с точки зрения истории. И он таков: у них нет происхождения; мы хотим сказать, нет человеческого источника, который можно было бы разместить во времени. Иными словами, происхождение традиции, в той мере, в какой само это слово, «происхождение», еще имеет смысл в данном случае, является «не-человеческим», как и сама метафизика. Доктрины этого порядка не появились в какой-то определенный момент истории человечества; наше указание на «изначальное состояние», а также, с другой стороны, сказанное нами относительно вневременного характера всего метафизического, должны позволить понять это без особых затруднений — при условии, что, вопреки определенным предрассудкам, согласятся смириться с абсолютной неприложимостью точки зрения истории к определенным вещам. Метафизическая истина вечна; и как раз в силу этого всегда находились существа, которые могли действительно и полностью ее познать. Изменяться же могут лишь внешние формы, преходящие методы; но эти изменения не имеют ничего общего с тем, что современные люди называют «эволюцией», они суть всего лишь адаптация к тем или иным частным обстоятельствам, к конкретным характеристикам расы или определенной эпохи. Отсюда следует множественность форм; но основ доктрины это никоим образом не задевает и не модифицирует, точно так же, как сущностные единство и самотождественность существа не изменяются под влиянием множественности его состояний проявленности.

Метафизическое знание и реализация, которую оно предполагает, дабы подлинно быть тем, чем оно должно быть, следовательно, возможны всегда и повсюду, по крайней мере, в принципе и тогда, когда такая возможность рассматривается как в некотором роде абсолютная. Но в действительности — практически, если можно так выразиться, — в смысле относительном равно ли они возможны в какой угодно среде и без учета привходящих обстоятельств? На этом мы будем настаивать гораздо меньше, особенно в том, что касается реализации; и это объясняется тем фактом, что последняя, в своем начале, точку опоры должна иметь на уровне этих самых обстоятельств. А они могут быть весьма неблагоприятными, как те,

которые предлагает современный западный мир, столь неблагоприятными, что подобная работа здесь становится почти невозможной и что может быть даже опасно браться за нее, в отсутствие всякой опоры вовне и в среде, и в среде, которая может лишь противодействовать и даже загубить усилия того, кто занялся бы ею. Напротив, цивилизации, которые мы называем традиционными, организованы таким образом, что в них можно найти действенную поддержку, которая, несомненно, не является строго необходимой, как и все внешнее, но без которой, однако, трудно получить эффективные результаты. Здесь есть нечто, превышающее силы изолированного индивида, даже если этот индивид в остальном обладает требуемыми качествами. Мы не хотели бы также, в сложившихся условиях, побуждать кого-либо безоглядно бросаться в такую работу, а это прямо ведет нас к нашему заключению.

Для нас большая разница между Востоком и Западом (речь идет исключительно о современном Западе), единственная по-настоящему существенная разница (ибо все остальные производны от нее) такова: с одной стороны, налицо сохранение традиции, со всем, что ею подразумевается, с другой — забвение и утрата той же самой традиции; с одной стороны, сохранение метафизического знания, с другой — полное невежество во всем, что относится к этой области. Да и как же можно было бы найти общую меру между цивилизациями, которые открывают своей элите возможности, что мы попытались описать, которые предоставляют ей все необходимые средства для действительной реализации этих возможностей и которые, по крайней мере части ее, таким образом позволяют действительно реализовать их во всей полноте, так вот, между этими традиционными цивилизациями и той, что развилась в сугубо материальном направлении? И кто, стало быть, если только он не ослеплен каким-то пристрастием, осмелится утверждать, что материальное превосходство компенсирует интеллектуальную ущербность? Интеллектуальную, говорим мы, но подразумеваем здесь подлинную интеллектуальность, ту, которая не ограничивается ни человеческим, ни природным уровнем, ту, которая делает возможным чистое метафизическое знание в его абсолютной

трансцендентности. Мне кажется, достаточно на одно мгновение задуматься над этими вопросами, чтобы не осталось никаких сомнений и колебаний относительно ответа, который следует дать на них.

Материальное превосходство современного Запада неоспоримо; никто этого у него не оспаривает, никто ему и не завидует по этому поводу. Более того: рано или поздно Запад рискует погибнуть по причине такого избыточного материального развития, если он вовремя не опомнится и если, как следствие, он не задумается всерьез о «возвращении к истокам», согласно выражению, бытующему в некоторых школах исламского эзотеризма. Сегодня с разных сторон много говорится о «защите Запада»; но, к несчастью, как кажется, отсутствует понимание того, что Запад особенно нуждается в защите от себя самого, что это от его собственных нынешних тенденций исходят главные и самые серьезные опасности, реально угрожающие ему. Хорошо было бы поглубже поразмыслить над этим, и не было бы излишним пригласить к такому размышлению всех, кто еще способен размышлять. Этим же я и закончу свое изложение, будучи счастлив, что я мог если не дать понять целиком, то, по крайней мере, помочь почувствовать нечто из той восточной интеллектуальности, аналога которой больше не существует на Западе. А также — дать очерк, сколь бы он ни был несовершенен, того, чем является подлинная метафизика, знание как таковое, которое, как говорят некоторые священные тексты Индии, одно лишь является вполне подлинным, абсолютным, бесконечным и высшим.

[Город Творцов](#)